МОСГОРСПРАВКА МОССОВЕТА
Отдел газетных вырезок
Ул. Кирова 26/6 Телефон 96-69

Вырезка из газеты КОМСОМОЛЬСКАЯ ПРАВДА
от 21 ИЮН 39 г.
Москва Газета №

ПОЭЗИЯ ЛЮБВИ

(«Абесалом и Этери» в Большом театре)

Уже не раз отмечали родство грузинской «Этериани» с древней легендой о Тристане и Изольде. Действительно, сходство их очень велико. Но поэтический миф об Абесаломе и Этери ничем не уступает сказанию о Тристане и Изольде, а кое в чем и возвышается над ним.

Вот оны лишь втроем. Точно так же, как Тристан и Изольда, Абесалом и Этери умирают при встрече после долгой разлуки и так же их хоронят рядом друг с другом. На могиле Тристана вырастает виноградная лоза, а на могиле Изольды—розовый куст, и растения сплетаются между собой в вечном об'ятии.

На могилах Абесалома и Этери тоже вырастают цветы, но виноград Мурмана, также любивший Этери и разлучивший влюбленных при их жизни, заканчивает собой между Абесаломом и Этери, и на могиле его вырастает колючий терновник. Плоть Абесалома и Этери стремится обнять друг друга, но злой терновник встает между ними непреодолимым препятствием. Печальная повесть о бедных влюбленных не кончилась. Любовь сильнее смерти. И словно в утешение, народная фантазия еще украсила могилы Абесалома и Этери. На них журчит родник, и в кристально чистой воде его плавает золотая чаша.

Живая и нежная музыка заключена в самом сюжете «Этериани», как заключена она в стихах Руставели или Пушкина. Нужен только великий музыкант-поэт, который пленился бы дивным видением и разбудил музыку. Таким музыкантом-поэтом был Захарий Палиашвили, наш современник, умерший в 1933 году.

* * *

Впервые в истории музыкальной культуры грузинская опера появляется на сцене оперного театра за пределами Грузии. Это событие огромной важности равно и для искусства Советской Грузии и в целом для искусства всего Советского Союза.

Бесценный дар принес грузинский народ братским народам своей великой родины. И должно признать, коллектив Большого театра оказался достойным этого дара. Постановщик спектакля Р. Н. Симонов (кстати, мы впервые увидели его работу на сцене оперного театра, и какую замечательную работу!), дирижер А. Ш. Мелик-Пашаев, художник В. Ф. Рындин, балетмейстер Д. Л. Джаршиашвили и весь огромный коллектив театра, оркестр, солисты, хор и балет создали оперное представление, которое может быть названо безукоризненным по всех отношениях.

Опера Палиашвили дает артисту неограниченные возможности проявить свое музыкальное и сценическое дарование. Нужно только горячо полюбить эту чудную музыку, всем существом окунуться благоуханной поэзии, которой полна опера «Абесалом и Этери».

Тем радостнее для нас, когда мы увидели, с каким искренним увлечением пели, играли, танцовали артисты Большого театра и спектакля «Абесалом и Этери».

Можно спорить о том, кто лучший Этери — Е. Д. Кругликова или Н. Д. Шпиллер, кто лучший Абесалом—Н. С. Ханаев или Г. Ф. Большаков. Этери — Кругликова, пожалуй, более драматична. В последнем действии, в сцене встречи с Абесаломом Е. Д. Кругликова создает образ истинно трагический. И все же нас очень пленяет Этери в исполнении Н. Д. Шпиллер. Этери — Шпиллер более элегична и мечтательна. Временами, как например в сцене брачного пира во дворце Абю или в третьем действии, в сцене ухода с Мурманом, Этери — Шпиллер почти видение, поэтическое и легкое. И этот ясный и чистый лиризм представляется нам наиболее правильным в истолковании образа Этери.

Иначе обстоит дело с партией Абесалома. Мы решительно предпочитаем здесь Н. С. Ханаева. Абесалом — Ханаев не просто влюбленный царевич. Он витязь, и только тяжкие страдания надломили его силы. Уже смерть таилась в лице Абесалома, уже изнемог царевич, но властные, металлические ноты звучат в его голосе, когда он повелевает Мурману итти в путь, из которого нет возврата. «Пусть трепещет Мурман!»—восклицает Абесалом — Ханаев, и зритель верит в силу его ненависти, как верит в силу его любви.

Из остальных исполнителей отметим отличного Мурмана—Н. И. Селиванова, военачальника Тандаруха—Б. Н. Замозинского, двух очень хороших исполнительниц трагической партии Марих, юной сестры Мурмана — Е. М. Боровскую и М. А. Почасову, а также превосходную исполнительницу маленькой, но замечательной по музыкальному материалу партии Планы — О. А. Седых.

Из балетных исполнителей кроме М. Т. Семеновой и Т. В. Васильевой необходимо выделить совершенно блестящего танцовщика А. В. Кузнецова. Его танец — образец благородной чистоты линий, какой-то особенной завершенности и отточенности стиля.

Нужно учесть всю исключительную трудность этой оперы. Еще никогда на сцене Большого театра не звучали картально-кахетинские и сванские напевы, которые являются фольклорной основой музыки «Абесалома и Этери». Гармонический и мелодический строй грузинской музыки очень своеобразен, и чрезвычайно трудно и короткий срок овладеть характерным стилем грузинского искусства. Тем не менее Большой театр это сделал, доказав тем самым свое универсальное художественное значение.

Есть очень важное соединительное звено между музыкой Палиашвили и творчеством русских классиков. З. Н. Палиашвили — ученик самого выдающегося мастера полифонической (многоголосной) музыки С. И. Танеева. Благодаря этому в творчестве Палиашвили сочетались самобытная грузинская полифония со всей оригинальностью и спецификой народной музыки и великолепная культура русского и общеевропейского композиторского мастерства. Нам думается, что творчество Палиашвили в высшей степени поучительно для всех композиторов братских республик. Это важно подчеркнуть, потому что здесь дан обобщенный опыт и русской музыки, которая тоже ведь в свое время прошла такой же, примерно, путь, неустанно разрабатывая свое, природное, русское и также неустанно осваивая опыт и достижения общеевропейской музыкальной школы.

Некоторые товарищи считают, что оркестр Палиашвили однообразен и лишен красочности. С этим невозможно согласиться. Ровная, временами напоминающая орган, строгая по колориту, массовая звучность оркестра как раз и придает опере эпический характер. Очень красочны хоры, играющие важнейшую роль в этой опере. Как и в ораториях и в трагедиях античных классиков, хор в «Абесаломе и Этери» — действующее лицо.

Прекрасный трехголосный хор, поддерживаемый лишь звуками труб, начинает первую действие оперы. Это хор охотников на текст из «Барсовой кожи» Руставели «Автандил охотник смелый». Охота царевича Абесалома появляется на дальнем горном пастбище, где живет со своей мачехой сирота Этери. Сцена встречи Абесалома и Этери очень хороша и жизненна. Да, так бывает и в наши дни, что любовь вспыхивает вдруг, неожиданно, при первой случайной встрече. Вот отчего мы не удивлены, когда Абесалом, едва увидев Этери, поет: «Я искал тебя в царских дворцах, но встретил вдруг в глуши лесной».

Первая ария Абесалома проникнута такой нежностью и теплотой, что она способна согреть самое холодное и равнодушное сердце.

Драгоценный шитый платочек предлагает Абесалом Этери в залог своей любви, «коней резвых, по-абхазски снаряженных», но Этери отвергает подарки: она не верит любви знатного принца, сына могучего царя Абю. Но и она уже любит Абесалома, и никогда по будет конца этой любви. Завязка драмы проста. Восторженную песнь Абесалома прерывает мрачный голос визиря Мурмана, тоже полюбившего Этери. Любовь Мурмана к Этери так же сильна и пламенна, как любовь Абесалома. Грозным предзнаменованием звучит медленная ария Мурмана, в ней дает он клятву овладеть Этери, ибо нет для него жизни без нее, и странная ревность терзает его душу. Он разобудет волшебное зелье,— и не быть счастью Абесалома и Этери.

В первом действии оперы уже разлита особая светлая грусть, характерная для настроения оперы. Гремит торжественная музыка во втором акте, происходит пышная церемония свадьбы царевича Абесалома и Этери. Это самая пышная сцена в спектакле. Художник, режиссер и балетмейстер соединенными силами организовали великолепный праздник. По обеим сторонам огромного люстрового зала выстроились воины в златокованных шлемах с золотыми щитами. В церемониальном параде медленно движутся придворные в богатых нарядах всех цветов, отроки с факелами — брачными светильниками, придворные дамы в голубых и светло-зеленых дамских платьях. Седовласый царь Абю в короне и его жена, мать Абесалома, царица Натала, ожидают прибытия новобрачных. Вот по обычаю рыцари скрещивают сверкающие клинки шашек, образуя узкий и длинный проход, и под этим сводом входят Абесалом и его подруга Этери, с лицом, закрытым подвенечной фатой. В разгаре свадебный пир. Полководец Тандарух, набранный тамада, возглашает здравицы, гремит застольная «Мравал Жамиер», танцуют девушки и юноши.

И все-таки неясная печаль чувствуется в этой роскошной сцене. Вот уже попытнулась и упала на руки милого Этери. Пагала радость, едва успев расцвести, зелье Мурмана начало действовать. Так подготовлены III и IV действия оперы, полные истинного трагизма. Музыка третьего действия производит глубочайшее впечатление своим скорбным лиризмом. Тоскливо, горестно звучит ариозо Абесалома, оплакивающего свою любовь. Рыдания слышатся в голосе певца. Исчезла Этери в царских палатах, чуть теплится жизнь в ее теле, и потухающем взгляде—безмолвная мольба о спасении. Ариозо Абесалома похоже на плач, и изнемог его мелодии таятся слезы отчаяния. Оно чем-то напоминает арию из опер Глюка, и сходство это еще усиливается пением хора, умоляющим Абесалома отпустить Этери. Четырехголосный хор в этом акте служит блестящим доказательством реалистической жизненности больших хоровых ансамблей в опере. Никакое соло не может отличаться такой трагической выразительностью. Искусство контрапункта воскрешено здесь в полной мере и в высшем несравнении тех, кто его зажигало хоронит. Хор Большого театра—настоящий хор музыкальной драмы. Он не только поет, но и играет. Когда Мурман в третьем действии провозглашает, что мах Этери тяготеет проклятие, и все в страхе отшатываются, леденящий ужас передается и зрителю, благодаря актерскому искусству хора. Но главное, конечно, идеальная точность и [illegible] лающие видеть на [illegible] спектакля, как сценальном ларце.

Как раз это, и прежде всего это, требуется в музыке Палиашвили. Еще много чудной музыки в третьем действии и, в частности, великолепный секстет. Трагический стон, почти вопль Абесалома «Кто хочет взять мою Этери, Этери лучезарную мою», хор и уход Этери с Мурманом заключают действие.

В искусстве иногда эпизод, беглый штрих решает все. Есть замечательная деталь в финале третьего действия. Когда уходящая Этери, поддерживаемая Мурманом, поднимается на верхнюю галлерею, перекинутую, словно мост, над ложем Абесалома, внезапно уходит вверх полузавядшее и открывает темное звездное небо. На этом фоне вырисовывается белый силуэт Этери. Силы покидают ее, и она, остановившись на мгновение, в последний раз смотрит на Абесалома. В этот краткий миг как будто вновь рождаются поэзия любви и тяжкое горе разлуки. Только очень тонкий и вдумчивый художник мог создать эту восхитительную деталь.

Высоко в горах взывается замок Мурмана. Здесь живет Этери, окруженная братьями и сестрами Мурмана. Мы выслушаны пропустить обаятельную песню Планы и женского хора, восхваляющего красу Этери, и перейти прямо к последней встрече Абесалома и Этери.

На носилках приносят Абесалома, больного, не вынесшего разлуки с Этери. Сама музыка говорит о том, что сломлена сила Абесалома, разбито его сердце, уходит его жизнь.

В этом действии прекрасны квартет и, особенно, финал. Всего не скажешь об «Абесаломе и Этери». Оно верно: когда над трупом умершего от любви Абесалома убивает себя кинжалом Этери и хор тихо поет заключительные строфы о пламенной луше влюбленных, вряд ли найдется в зале человек, который оставался бы равнодушным и спокойным. Нет, мы верим, что и сейчас струится родник у могилы Абесалома и Этери и что в кристальной его воде плавает золотая чаша. Неисчезнет родник народной поэзии, счастлив художник, нашедший путь к нему и зачерпнувший золотой чашей его живой воды.